

И. О. ПАНАСЪ.

ЗАБЫТОЕ РУССКОЕ ПЛЕМЯ

(АВСТРИЙСКАЯ УКРАИНА
ИЛИ ГАЛИЦКАЯ РУСЬ)



ИЗДАНИЕ
галицко-русской студенческой молодежи.
1917 г.



И. О. ПАНАСЪ.

**ЗАБЫТОЕ РУССКОЕ
ПЛЕМЯ.**

**(Австрійская Украина
или Галицкая Русь).**

Издание
галицко-русской студенческой молодежи.

Ростовъ на Дону, Типографія А. И. Теръ-Абрамианъ.

Намъ пращуры работу дали,
Собравши Русь своимъ горбомъ
Они Россію собирали,
А мы Россію разберемъ.
(современный поэтъ.)

Введеніе.

Ударилъ роковой часъ. Грянули на кордонѣ пушки, возвѣщая торжественный салютъ по случаю освобожденія Галицкой Руси отъ 600—лѣтняго иноземнаго ига. Свободнѣе вздохнула Галицкая Русь, увидѣвъ на востокѣ зарю восходящей свободы. Чувству радости не было предѣла. Вольные сыны Галича соединились опять, послѣ долгихъ лѣтъ несомвѣстной жизни, со своими русскими братьями. Казалось, солнце благодати навѣстило Галицкую Русь. Но другое задумала судьба... Она, жестокая мачиха, еще не успѣла сомкнуть всего круга несчастій и испытаній, которыя оставались закрытыми надъ ящика Пандоры. Недолговременной была радость Галицкой Руси. Она измѣнилась вскорѣ въ печаль. Надвинулись тучи и съ разныхъ сторонъ и подъ массою ихъ почернѣлъ небосклонъ. Грянулъ громъ. Застонала и заревѣла буря надъ землею Галича. Солнце заблиставшей свободы скрылось за облака и надъ Галицкой Русью настала ночь, темная ночь прежняго ига. Благодарязимѣнъ Сухомлиновыхъ и Мясоѣдовыхъ русская побѣдоносная армія оказалась безъ рядовъ и принуждена была оставить порошенныя ея кровью и освобожденныя поля. А передъ ней и за ней потянулись вереницами въ матушку Россію бѣдные жители Галичины, спасая лишь одну свою жизнь оставляя все свое имущество, родную землю и родной кровъ. И вотъ пришли

русскіе Галичане въ Россію искать убѣжища и помощи передъ лютымъ врагомъ и нашли ее у своего родного брата Малоросса и Великоросса.

Русскіе братья приняли на себя заботы о своемъ братѣ галичанинѣ, дали ему убѣжище и подали хлѣбъ. Но не единымъ хлѣбомъ.... Тысячи бѣженцевъ галичанъ рады и той койкѣ, на которую кладетъ ихъ благотворительность, и той тарелкѣ супа и чашкѣ чая, которыя она въ опредѣленные часы подноситъ имъ. Но есть и другія натуры, которыя не бываютъ сыты отъ этихъ матеріальныхъ подачекъ. Они нуждаются въ духовной пищѣ, родномъ, человѣческомъ, духовномъ участіи со стороны русскихъ братьевъ въ Россіи, на которое они рассчитывали и въ которомъ были увѣрены. Они шли къ русскимъ братьямъ въ Россію какъ къ своимъ, съ глубокой вѣрой встрѣтить у нихъ родное сочувствіе. Но очень часто, случается что къ бѣженцамъ русскимъ галичанамъ, относятся холодно не съ точки зрѣнія матеріальной помощи, а именно съ точки зрѣнія духовнаго интереса. Причину того, что русскіе такъ мало удѣляютъ вниманія Галичинѣ, видитъ побывавшій въ Галичинѣ русской офицеръ пишущій въ „Армейскомъ Вѣстникѣ“ въ томъ, что русскіе просто не любопытны, просто немножко лѣннывы... Не мое дѣло судить, насколько правъ этотъ офицеръ въ своихъ выводахъ, но нельзя не отмѣтить, что дѣйствительно въ Россіи мало удѣляютъ вниманія Галичинѣ и ея жителямъ, особенно съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ, несмотря на то, что война за освобожденіе Галицкой Руси длится уже три года и тысячи русскихъ жизней погибли на поляхъ сраженій. До сихъ поръ не могутъ понять многіе въ Россіи, что Галичина это исконная русская земля, что жители ея такіе русскіе, какъ жители Россіи, и что Россія не завоевываетъ Галичину, какъ это пишетъ въ „Русскомъ Словѣ“ даже такой видный дѣятель, какъ кн. Тру-

бецкой, а освобождаетъ своихъ русскихъ сыновей въ Галицкой Руси, истекавшихъ кровью въ продолженіе многихъ столѣтій подъ чужимъ гнетомъ. Такимъ непониманіемъ дѣйствительности грѣшатъ не только многіе общественные дѣятели, но и печать и школа. Особенно печальнымъ является исключеніе галицкаго и малорусскаго вопроса изъ школы. Ибо кто долженъ дать лучшее его разъясненіе, какъ не школа и наука?

Если читать русскія пособія по русской исторіи, то трудно найти данныя о судьбѣ этого русскаго края, послѣ выхода его изъ состава русскихъ земель и подчиненія иноземнымъ государствамъ. При чтеніи этихъ пособій получается впечатлѣніе плохого романа, гдѣ внезапно со сцены безъ мотивировки исчезаетъ одинъ изъ главныхъ героевъ, о дальнѣйшей судьбѣ котораго авторъ романа замалчиваетъ. Въ этомъ „невѣжествѣ русскаго общества и въ неспособности разбираться въ недавнемъ его прошломъ“ видитъ проф. Тарле опасность для успѣшности участія Россіи въ упорной борьбѣ народовъ за существованіе. А проф. Ястребовъ такъ отзывается по этому поводу:

„Но что можно сказать объ уровнѣ историческаго образованія и объ опасностяхъ для борьбы народа за существованіе, если въ нашемъ обществѣ, послѣ годичной борьбы народа за воссоединеніе наслѣдія св. Владиміра, послѣ ежедневныхъ газетныхъ извѣстій въ теченіе этого года о грандіозныхъ бояхъ, сотняхъ тысячъ погибшихъ русскихъ жизней, на территоріи этого „наслѣдія“, все же находятъ довольно высокіе администраторы, вопрошающіе своихъ собесѣдниковъ о бѣженцахъ—галичанахъ: „Кто это собственно, галичане? славяне? хорваты?“ Какіе нужно создавать проекты реорганизаціи преподаванія въ нашей высшей и средней школѣ, если оканчивающій университетъ студентъ-историкъ на вопросъ экзаменатора: „Какой народъ живетъ въ

Восточной Галичинѣ и прилегающей къ ней части Венгріи,“ отвѣчаетъ: „Профессоръ я не могу отвѣтить на такой спеціальный вопросъ,“ если оканчивающая высшіе женскіе курсы совершенно не знаетъ, кто такіе угроросы, или даетъ такой перечень славянскихъ народностей: поляки, галичане, чехи, русины? Особенно „загнано“ въ нашей школѣ изученіе малорусскаго отдѣла русскаго народа. Почти совершенное отсутствіе всего малорусскаго.

При изученіи русскаго языка, его исторіи, діалектологіи и современной литературной его разновидности мы не находимъ почти никакихъ указаній на малорусскіе элементы. Въ нашихъ учебникахъ по русской исторіи, въ томъ числѣ и въ новѣйшихъ „профессорскихъ“, довольно большихъ по размѣрамъ, всего нѣсколько скудныхъ страницъ отводится исторіи малорусскаго и бѣлорусскаго отдѣловъ русскаго народа, подогнанныхъ къ тѣмъ моментамъ въ ихъ исторіи, когда они входятъ въ составъ русскаго государства. Для нашихъ учебниковъ не существуетъ исторіи малороссовъ и бѣлороссовъ послѣ 1654 г. оставшихся до второй половины XVIII вѣка подъ властью Польши; исторія же ихъ перваго воссоединенія совершенно скомкана. Судьба русскаго народа въ Галичинѣ, Буковинѣ, Венгріи остаются для нашей учащейся молодежи „книгой запечатанной“... Такого рода отношеніе нашей науки и школы къ изученію не великорусскихъ частей русскаго народа можетъ основываться либо на невыясной оцѣнкѣ малорусскихъ элементовъ въ общерусскомъ историческомъ развитіи, либо на признаніи ихъ чѣмъ-то не подлинно русскимъ, не совѣмъ русскимъ, чѣмъ то отличнымъ отъ него. Но какіе-бы предпосылки, можетъ быть, не всегда отчетливо сознаваемыя, ни лежали въ основѣ довольно вялаго нашего интереса ко всему русскому—невеликорусскому, мы всегда жестоко платились за эту вялость. Мало зная все малорусское и бѣлорусское и мало стремясь знать

его, мы лишали себя ясности пониманія и многого великорусскаго и всего общерусскаго, мы сокращали источники своего духовнаго питанія и роста. Но мы постоянно получали и большіе политическіе удары, бродя въ теоретической тьмѣ. Далѣе, не послужила ли эта своеобразная „московская“ исключительность, на почвѣ законной обиды малороссовъ, поводомъ и однимъ изъ основаній протестовъ противъ „звычайной схемы русской исторіи“, для построенія особой отъ *русской* такъ называемой „*русской исторіи*“ *началомъ* которой, а не русской является Кіевская Русь, а ея *концомъ* которой будетъ „самостійна Україна“, для теоріи „*русской*“ культуры, отличной отъ *русской*, для утвержденій о появленія среди славянства новой національной особи, народа „украинскаго (руського), наряду съ русскимъ, польскимъ, чешскимъ и т. д. Несомнѣнно, да, мы „всерусскіе“ русскіе, повинны въ этомъ, впрочемъ не безъ польскаго и германскаго соучастія.... Пора же, наконецъ, намъ отстать отъ этого стараго грѣха... („Биржевыя Вѣдомости“ № 15336).

Да пора... Русская наука и школа не могутъ оставаться въ молчаніи при видѣ такихъ неправильныхъ понятій какъ о Галичинѣ, такъ и о Западномъ краѣ Россіи, какія распространились по всей Европѣ и затемняютъ самые очевидные и несомнѣнные факты западно русской исторіи и жизни. Около 20 милліоновъ людей, живущихъ между Венгріей, Польшей и Россіей не поняты Западной Европой и нѣкоторой частью Россіи, не признаны заслуживающаго вниманія: несмотря на свою богатую событіями исторію, несмотря на громкое неоспоримое заявленіе о себѣ, они причислены то къ полякамъ, то къ другимъ новосозданнымъ національностямъ, съ такимъ легкомысліемъ, примѣра котораго не представляетъ намъ исторія, съ тѣхъ поръ, какъ перестали смотрѣть на народы, какъ на стадо, которое можно пригнать, куда вздумается. Дѣйствительно сердце сжимается, когда

слышишь такое смѣшеніе, разныхъ опредѣленій русскихъ галичанъ: славяне, хорваты, поляки, галичане, чехи, русины, украинцы, измѣнники Франца-Госифа, охранники и т. д. Такое непониманіе вопроса поддерживается коварными внушеніями, которыя какъ бы ни были сильны, не могли бы такъ много сдѣлать, если бы въ самой Россіи занялись изученіемъ западно-русскаго вопроса. Знаніе этого вопроса оказывается крайне необходимымъ. И вотъ настоящая война помимо всѣхъ своихъ бѣдствій и ужасовъ имѣетъ ту положительную сторону, что дала русскимъ Галичанамъ возможность ближе познакомиться съ обширной Россіей, куда они направляли свои взоры, познакомиться и воспользоваться восточной, русскою культурной, родной и болѣе близкой имъ по духу, отъ которой отдѣляли ихъ австрійскіе черножелтые столбы. Съ другой стороны война дала возможность русскимъ въ Россіи пополнить брешь относительно знаній своего прошлаго и познакомиться съ родными имъ галичанами на дѣлѣ, не изъ книгъ, въ которыхъ большей частью проводится узкая политическая цѣль, а отъ самихъ бѣженцевъ галичанъ, которыхъ во всей Россіи найдется достаточно. Только надо имъ удѣлить больше вниманія и подойти къ нимъ съ открытымъ сердцемъ и привѣтливымъ словомъ, подойти къ нимъ, какъ къ равнымъ себѣ знакомымъ, ищущимъ родного, челоувѣческаго участія со стороны своихъ русскихъ братьевъ въ Россіи.

И вотъ цѣль моихъ немногихъ строкъ заключается въ томъ, чтобы совершенно безпристрастно, хотя бы въ нѣкоторой степени, освѣтить галицкій вопросъ, который до сихъ поръ представляется довольно туманнымъ для русскаго общества. Тѣмъ болѣе подходящимъ считаю это сдѣлать въ настоящій моментъ, когда русское общество и либеральная печать начинаютъ подъ вліяніемъ событій на

Украинѣ переоцѣнивать свое отношеніе къ малорусскому вопросу и начинаютъ понимать существенность украинскаго вопроса. Въ виду недостатка мѣста я не буду касаться географическаго положенія Галичины и не буду излагать исторіи политическаго развитія этого края, а ограничусь только выясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, которые выдвигаются въ настоящій моментъ въ прессѣ. При этомъ считаю необходимымъ подчеркнуть, что я буду стараться по возможности объективно обсуждать вопросы, ибо считаю первѣйшимъ признакомъ научной разработки объективность, не знающую ни національныхъ, ни политическихъ, ни религіозныхъ пристрастій.

И такъ относительно самаго опредѣленія народа, заселяющаго восточную Галичину, сѣверо-восточную Буковину и сѣверную Венгрію, скажу слѣдующее:

Опредѣленіе населенія восточной-Галичины.

Народъ, заселяющій восточную Галичину, сѣверо-восточную Буковину и сѣверную Венгрію, а равно и его языкъ, называли всегда русскимъ. Я не стану приводить длинный перечень первоклассныхъ ученыхъ, утверждающихъ съ точки зрѣнія чистой науки филологіи и исторіи о существованіи русскаго народа въ Галичинѣ, какъ напр., членъ Петроградской и Вѣнской академіи наукъ профессоръ Ягичъ, профессоръ Вѣнскаго университета Решетаръ, профессоръ Пражскаго университета Нидерле, многіе русскіе ученые, какъ Ключевскій, Пашинъ, Срезневскій, Флоринскій, Соболевскій, Колосовъ, Шахматовъ, Погодинъ, Владимірскаго Будановъ. Я не буду указывать на многочисленные учебники по исторіи, русскіе, французскіе, польскіе, а главнымъ образомъ нѣмецкіе и географическія карты, въ которыхъ населеніе восточной Галичины значится русскимъ (по польски *ruski*, по нѣмецки *russisch*.) Мадыяры называютъ и населеніе

восточной Галичины и закордонныхъ русскихъ однимъ и тѣмъ же именемъ „орось“ „orosz“, послѣдствіемъ чего многіе галичане поплатились жизнью, ибо мадыарскіе солдаты убивали и разстрѣливали многихъ русскихъ галичанъ только изъ за того, что они на ихъ вопросъ о національности, отвѣчали „русскій“.

Какъ извѣстно мадыарское правительство все время угнетавшее угророссовъ, въ началѣ войны выпустило обращеніе къ угророссамъ на русскомъ литературномъ языкѣ. Также въ Австріи независимыя учрежденія, какъ напр. университеты, признавали русскую національность и въ дипломахъ абсолюентовъ университета русскихъ галичанъ, можно прочесть *natione russus*. Я не стану приводить огромное число историческихъ документовъ, какъ напр. булла папы Клементя VIII и документъ, относящійся къ галицкому королю Данилу, въ каковыхъ жигели Галичины называются „русскими“ *gens Russorum*, а ихъ король „король Руси-Россіи“ *rex Russiae*. Не стану приводить названій мѣстностей, какъ напр. хотя бы названіе моего уѣзднаго города Рава Русская, и названій улицъ и надписей, какъ напр. во Львовѣ на Успенскомъ соборѣ „русская улица“, по нѣмецки, *russische gasse* по польски. *ulica ruska*. Не стану приводить рядъ ученыхъ и поэтовъ галицкихъ, писавшихъ на мѣстномъ языкѣ и называвшихъ свой народъ, свой языкъ, т.-е. мѣстное галицкое малорусское нарѣчіе русскимъ. Народный поэтъ Маркіанъ Шашкевичъ, котораго украинцы считаютъ украинцемъ такъ пишетъ:

„руска мати насъ родила,
руска мати насъ повила,
чомужь мова ей не мила?“

а въ своемъ псалмѣ такъ говорить: „вырвешь менѣ око и душу менѣ вырвешь, но не похитишь любви и вѣры, не похитишь, бо сердце мое руске и вѣра моя руска“. Я готовъ предоставить свидѣтельства

малорусскихъ, по терминологіи украинцевъ „украинскихъ“ гимназій Галичины, въ которыхъ малорусскій языкъ, языкъ преподаванія, называется „руска мова,“ а отнюдь не украинская. Мнѣ же самому, воспитывавшемуся въ вѣмецкой гимназіи во Львовѣ до VIII класса въ наукѣ исторіи преподавали, а въ учебникахъ писали, что въ восточной Галичинѣ живутъ русскіе „Russen,“ въ ковычкахъ „Kleingussen“ или „Rotrussen“. Изъ вышеизложеннаго видно, что не тѣ галичане, которые называютъ себя русскими, дезертиры народа, ибо они были и остаются русскими. Дезертирами народа являются тѣ галичане, которые были русскими, а теперь вдругъ стали а украинцами. И не они, русскіе галичане, „жонглируютъ терминологіей“, ибо, являясь русскими, они такими себя не называютъ. Также и другіе называютъ ихъ русскими. „Жонглируютъ терминологіей“ украинцы, которые подъ терминомъ „русскій“ страннымъ образомъ понимаютъ терминъ „украинскій“. По ихъ терминологіи „русскій“ значитъ „украинець“. Такъ напр. въ изданіе „Укр. Жизнь.“ п. з. „Галичина, Буковина, и Угорская Русь“ 1915 г. слова народнаго поэта М. Шашкевича „руска мати насъ родила“ переводятся „украинская мати насъ родила“. О точности такого перевода съ явной поредержкой и искаженіемъ словъ поэта предоставляю судить другимъ. Или же авторъ импонирующаго только объемомъ труда „исторія Украйны“ проф. Грушевскій объясняетъ, что древніи арабскіе писатели въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминали о Руси, подразумѣвали украинцевъ, которыхъ существованіе въ X вѣкѣ, о чемъ толкуетъ Грушевскій, не только противорѣчитъ наукѣ исторіи и искажаетъ истину, но является прямо чистымъ вымысломъ и абсурдомъ, на что обратилъ вниманіе уже польскій историкъ Равита-Гавронскій. Термину „украинець“ только недавно начали придавать національное значеніе. Раньше терминъ „украинець“

имѣлъ значеніе територіальное, на что указываетъ его происхожденіе (Украина, окраина, край). Изъ всѣхъ древнихъ упоминаній термина „Украина“ (галицкая Украина“ въ Кіевской лѣтописи „Ляхове украиняне“ въ Софійской лѣтописи подь 1271 г., „Псковская Украина“ въ Воскресенской лѣтописи подь 1518 г., „Московская Украина“ въ IV Новгородской лѣтописи) видно, что Украиной называли въ древнихъ временахъ вообще всѣ пограничныя земли. Что терминъ „Украина“ не имѣла національнаго значенія утверждаетъ также украинець докторъ Барвинскій говоря; „бачимо, що Україною звали в давнихъ часахъ взагалі пограничні землі“ (клендарь „Просвіти“ 1916 г.). Жители известной территоріи по обоеимъ берегамъ Днѣпра, находившейся раньше на рубежѣ (окраинѣ) польской „Речи Посполитой“, могутъ называться украинцами, какъ и жители Галичины—галичанами. Но подь терминомъ „галичанинъ“ нельзя подразумѣвать только одну, галицкую“ національность, а слѣдуетъ понимать всѣ національности, заселяющія территорію Галичины, польскую, русскую и еврейскую. (Не слѣдуетъ и подь терминомъ „австриецъ“ подразумѣвать известную „австрийскую“ національность, какъ это дѣлаетъ профессоръ Овсяннико-Куликовскій утверждающій о существованіи „австрийской націи“.) Какъ Украину такъ и восточную Галичину заселяютъ одни и тѣ же самые малороссы, которые по своей малорусской терминологіи называютъ себя малороссами или прямо русскими, также какъ и по великорусской терминологіи ихъ называютъ малороссами. Значитъ, какъ по малорусской терминологіи такъ и по великорусской называются малороссы малороссами. Зачѣмъ называть малороссовъ украинцами, а не малороссами? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы и для белоруссовъ и для великороссовъ подыскать также другія названія. Объемы терминовъ „украинець“ и „малороссь“ не совпадаютъ. „Малороссы“ понятіе вышшаго объема и

вмѣщаетъ въ себя понятіе „украинець“. Всѣхъ малороссовъ нельзя называть украинцами, какъ и нельзя ихъ называть галичанами. Совсѣмъ ненаучно говорить, что малороссы, которые по всѣмъ терминологіямъ родственныхъ имъ народовъ называются малороссами, по своей же собственной терминологіи назывались бы не малороссами, а какимъ то другимъ именемъ, напримѣръ украинцами. Великороссы называются какъ по малорусской такъ и по своей т. е. великорусской терминологіи великороссами, а не по малоросской-великороссами, а по своей, т. е. великорусской „мускалями“ или „серединцами“ (окраина, середина). Терминъ „малороссъ“ у родственныхъ малороссамъ народовъ привился отъ того, что малороссы сами себя такъ называютъ. Ибо, если бы не было народа, который бы такъ себя опредѣлялъ, то и не было-бы термина „малороссъ“ у другихъ ему родственныхъ народовъ. Слѣдовательно ненаучно говорить, что малороссы по своей, т. е. малорусской терминологіи называютъ себя украинцами. Очевидно, что „жонглируютъ“ терминологіей не тѣ галицкіе малороссы, которые, являясь на дѣлѣ малороссами, остаются вѣрны своему прошлому и называютъ себя малороссами, или прямо русскими (подобно тому какъ поляки называютъ себя просто поляками, а не мало или велико-поляками, хотя извѣстныя части территоріи польскаго государства назывались Малопольшей и Великопольшей), а „жонглируютъ терминологіей“ тѣ малороссы, которые называютъ себя то малороссами, то украинцами, то даже русскими, какъ когда выгодно. Названіе „украинець“ было необходимо для того, чтобы внушить малороссамъ мысль инородчества отъ русскаго народа, чтобы порвать всякую историческую связь даже въ самомъ названіи, ибо оно бьетъ по лицу измѣнниковъ русскому дѣлу. Надо малороссовъ окрестить украинцами, а украинцы, молъ,—это народъ, ничего общаго съ русскимъ не имѣющій—по

выраженію „Укр. Жиз.“, это народъ инородческій. Одинъ русскій стволъ долженъ раздѣлиться, и украинцы должны составлять самостоятельный народъ. Эту мысль внушало галицкимъ малороссамъ австрійское правительство а теперь внушаетъ оно эту идею русскимъ военноплѣннымъ въ школахъ, которыя для нихъ устроены и о которыхъ писалъ извѣстный русскій публицистъ Г. Петровъ: „Открыли (австрійское правительство) учебные курсы. Преподавателями были особо выбранные австрійскіе офицеры родомъ изъ Галичины, одѣтые въ русскую офицерскую форму. Всѣ они говорили и вели обученіе на малороссійскомъ нарѣчій. Малороссійскій языкъ выдвигали какъ совершенно особый, ничего общаго не имѣющій съ русскимъ (это же самое утверждаютъ Укр. Жиз.) московскимъ, кацапскимъ языкомъ. Настоячиво выдвигалось слушателямъ русскимъ солдатамъ, что Украину ждетъ славное будущее, когда она освободится отъ Россіи, отдѣлившись отъ нея“. Затѣмъ дальше „печалованія нѣмцевъ объ украинцахъ старая приманка для податливыхъ головъ. Сами-то германцы у себя въ Германіи объединили въ одинъ народъ и швабовъ, и пруссаковъ, и саксонцевъ, и баварцевъ, а вѣтъ русскаго племени Малороссіи выдвигаютъ мудрость отдѣленія ея отъ общаго ствола. Сами то германцы не дѣлятся, не топорчатся отдѣльными пальцами, а крѣпче и плотнѣе сжимаются въ одинъ всеокрушающій германскій кулакъ, а народностямъ, составляющимъ Россію, несутъ благую вѣсть спасенія: дробитесь, рассыгайтесь, взаимно озлобляйтесь. Въ раздробленіи ваше лучшее будущее. Вы, дураки, раскрошитесь на куски помельче, а я васъ тогда съ удобностью проглочу—замыслы нѣмецкихъ курсовъ въ лагерѣ нашихъ военноплѣнныхъ“ (Рус. Сл. отъ 3 марта 1916 г.)

Гораздо важнѣе всего выше изложеннаго является то обстоятельство, что и коренной народъ Галичины во всей своей массѣ, въ особенности кре-

сьянство, называетъ себя и свой языкъ русскимъ. Кромѣ того русскіе Галичане называютъ себя „русьями“, самимъ древнимъ названіемъ, которое служило официальнымъ названіемъ для всей Россіи, („Аще нѣмчинъ убьетъ русина“ въ Новгородской лѣтописи) и которое встрѣчается еще до сихъ поръ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. (Олонецкой, Архангельской.) Также охотно называли себя русскіе Галичане „россиянами“, о чемъ свидѣлствуютъ многіе памятники галицко-русской письменности, напр. первая русская грамматика во Львовѣ, появившаяся въ 1582 г.

Въ этихъ названіяхъ „русскій“ народъ, „русскій“ языкъ, „русская“ вѣра сохранилось историческое сознаніе народа Галичины объ его единствѣ со всею массою русскаго міра. Это одно и тоже имя и того народа, который далъ бытіе русскому государству, и того, который несчастными судьбами оторванъ отъ своей восточной вѣтви, подпалъ подъ власть сначала польско-литовскую, а затѣмъ австрійско-мадьярскую.

Каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе каждый народъ имѣетъ полнѣйшее право опредѣлить себя и свой языкъ, и ихъ надо считать согласно ихъ опредѣлію. Особо въ настоящее время подчеркивается эта свобода національнаго самоопредѣленія, добытая русской революціей. Я не думаю, что бы опредѣленіе національности даннаго лица или народа зависѣло отъ кого то посторонняго, хотя бы отъ сотрудниковъ „Укр. Жиз.“ или нѣкоего приватъ-доцента Варшавскаго университета Тимченка (т. е. если они захотятъ, чтобы данный народъ былъ русскимъ, такъ быть ему русскимъ, а если они захотятъ, чтобы онъ былъ инородческимъ, украинскимъ, такъ быть ему украинскимъ). Опредѣлять свою національность и свою партійную принадлежность имѣетъ право самъ народъ, каждый отдѣльный индивидъ, и потому слѣдуетъ его признавать такимъ, какимъ онъ себя са-

моопредѣляетъ, и слѣдуетъ предоставить ему право пользоваться такимъ языкомъ, какимъ онъ желаетъ. Поэтому больше чѣмъ несправедливо причислить галичанъ, опредѣляющихъ себя русскими, то къ украинцамъ, то къ другимъ національностямъ.

Мы, галицкіе малороссы, остаемся вѣрными нашему прошлому, любимъ и чтимъ все свое національное; мы говоримъ и пишемъ и нашемъ народномъ малорусскомъ языкѣ; мы читаемъ чудные стихи малорусскихъ поэтовъ Шевченка и Пашкевича; мы поемъ наши народные малорусскіе пѣсни и напѣвы; мы сохраняемъ наши народные нравы и обычаи, нашъ бытовой укладъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ, что все россы, малороссы, бѣлороссы и великороссы, составляютъ одинъ русскій народъ, объединяемый общей древней исторіей, древней вѣрой, общимъ литературнымъ выработаннымъ всеми русскими племенами языкомъ, на которомъ создавали свои чудныя произведенія великороссы Пушкинъ, Достоевскій, Тургеневъ, Толстой, малороссы Гоголь, Короленко, Шевченко а также одной національной культурой, подобной французамъ, итальянцамъ нѣмцамъ. Мы неруссифицировали себя, ибо излишне русскиъ руссифицировать. Мы и не руссифицировали другихъ, не только потому, что мы далеки отъ такой политики, но и потому, что у насъ не было ни малѣйшей власти. Не мы руссифицировали, а насъ мадьяризировали и украинизировали. Общеизвѣстно, что наша идея національнаго и культурнаго единства русскаго народа являлась опасностью для австрійскаго правительства, точно также какъ итальянская и сербская ирредента въ Австріи, французская и польская ирредента въ Германіи. Поэтому угнетало и оскорбляло рускиихъ галичанъ австрійское правительство. Поэтому больше чѣмъ несправедливо утверждать, что въ такихъ условіяхъ мы могли руссифицировать, какъ и никто не го-

ворить, что сербы въ Австріи сербизировали или итальянцы итальянизировали или французы въ Германіи офранцузивали нѣмцевъ. Ибо ясно, что въ абсолютическомъ государствѣ только сильный порабощаетъ слабого и насилуетъ его. Не должно быть насильственной руссификаціи, но не должно быть насильственной украинизаціи. „Не нужно ни русскаго шовинизма, ни украинскаго шовинизма. Кто хочеть, пусть тотъ украинизируется, а кто не хочеть, можетъ не украинизироваться. Мы русскіе галичане украинизироваться не желаемъ, а руссифицироваться намъ не нужно, такъ какъ мы русскіе, а русскимъ излишне руссифицироваться. Мы только желаемъ, предоставляя всѣмъ полную свободу, чтобы насъ оставили въ покоѣ и не посягали на нашу свободу. Мы привѣтствуемъ съ восторгомъ русскую революцію, т. к. русскій народъ открылъ дорогу свободѣ всѣхъ угнетенныхъ самодержавіемъ народовъ и выдвинулъ лозунгъ „миръ на основаніи самоопредѣленія народовъ“. Только этого мы и хотимъ. Намъ нужна свобода и возможность самоопредѣленія. Наше освобожденіе изъ подъ австро-германскаго милитаризма обезпечить прогрессъ и благополучіе „тріединой Руси“ по выраженію профессора Корша. Но мы знаемъ твердо, что получить свободу и возможность самоопредѣленія мы можемъ только послѣ сокрушенія австро-германскаго милитаризма и абсолютизма, которые признають свободу только за нѣкоторыми привилегированными національностями и классами. Для австрійскаго правительства являлась опасной идея національно-культурнаго единства русскаго народа. И согласно своему принципу „divide et impera“ (дѣли и властвуй) оно создало другую идею, которая возникла раньше уже у нѣкоторыхъ польскихъ дѣятелей, идею раздѣленія русскаго народа, идею сепаратизма, созданія въ русскомъ народѣ другого, ничего общаго съ русскимъ не имѣющаго народа, созданія въ

одной русской культурѣ новой, отдѣльной, чуждой и всему русскому враждебной культуры и литературы, для которой Пушкинъ и Гете все равно. (Укр. Жив. 1917.)

Краткій историческій очеркъ Галицкой Руси.

Идея украинскаго сепаратизма была воспринята частью малороссовъ и раздѣлила малороссовъ и вообще всѣхъ русскихъ на два другъ другу враждебныхъ лагеря и такимъ образомъ причинила много вреда общему русскому дѣлу. Особенно пострадала отъ этого Галицкая Русь, такъ какъ нѣмецкое правительство Австріи отдалось всецѣло пропагандѣ украинскаго сепаратизма. Нѣтъ другого народа, который бы имѣлъ такое незавидное и печальное прошлое, какъ австрійскіе малороссы. Живя на рубежѣ славянства, они были предметомъ кровавой борьбы между римско-германской и славянской культурой. Извѣстно, что русская государственная жизнь послѣ кратковременнаго центра въ Новгородѣ сосредоточилась въ концѣ IX вѣка на Днѣпрѣ въ Кіевѣ и по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Главный центръ русской жизни былъ тогда Кіевъ, въ которомъ княжили *русскіе* князья, издававшіе „Русскую Правду“, и который назывался „матерью *русскихъ* городов“, а отнюдь не украинскихъ, какъ это утверждаетъ проф. Грушевскій, предѣдатель украинской „Рады“. Въ XI в. обозначилось два направленія движенія русскаго народа все дальше и дальше отъ неблагоприятнаго влослѣдствіи и почти непрерывнаго натиска степныхъ варваровъ юга. Одна часть русскаго народа стала образовывать себѣ политическій центръ въ Суздальскомъ княжествѣ, а другая въ Галицко-Волинской области. Это раздвоеніе русской исторической жизни было чисто внѣшнимъ.

Нашествіе татаръ отодвинуло еще дальше другъ отъ друга оба центра русской политической

жизни: восточный центръ передвинулся въ Москву, западный, галицко-волинскій, уступилъ мѣсто Литовско-русскому центру. Само собой разумѣется, что изъ этихъ двухъ частей одного и того-же народа раньше или позже должно было образоваться одно государство. Обѣ половины сближались, обобщались и такимъ образомъ подготовлялись къ тому, что бы, при первой случайности слиться въ одно цѣлое. И если не было одного государства, то обѣ эти части соединяла русская національность и существенный признакъ ея, языкъ и русская православная вѣра. Тогда еще не было попытокъ отчуждать малороссовъ и бѣлороссовъ отъ великороссовъ. Всѣ они составляли одинъ русскій народъ. Но этотъ естественный процессъ образованія одного государства на всемъ пространствѣ, населенномъ русскимъ народомъ, очень усложнился и долженъ былъ совершаться очень медленно, благодаря соединенію Литовскаго княжества съ Польшею, которое внесло въ исторію западной части русскаго народа новые элементы, запутавшіе естественное развитіе сознанія и жизни западно-русскаго народа. Часть земель, составлявшихъ Галицко-Волинскій центръ, Галицкая или Червонная Русь подпала еще въ 1340 г., послѣ того какъ перестали существовать Рюриковичи, подъ владычество Польши. Съ того момента начинается страшная борьба галицкихъ малороссовъ съ поляками. Однимъ изъ первыхъ поводовъ къ столкновенію поляковъ и русскихъ было средневѣковое латинство, которое распространялось по всей Руси огнемъ и мечемъ и подавляло русскую православную вѣру и русскую національность. Вторымъ поводомъ было политическое и экономическое превосходство польскихъ помѣщиковъ надъ русскимъ крестьянствомъ. Антагонизмъ усиливался и борьба ускорялась. Въ борьбѣ этой соединяла всѣхъ русскихъ главнымъ образомъ православная вѣра. Извѣстно, что вѣра играла тогда первенствующую роль. Чтобы ослабить русскихъ,

надо было эту связь уничтожить. И, дѣйствительно, Берестейской уніей поляки достигли раздвоенія русскихъ силъ, такъ какъ нѣкоторая часть православнаго духовенства отпала отъ православной церкви и признала главенство римскаго папы, несмотря на то, что большая часть духовенства заявила рѣшительный протестъ. Народъ съ низшимъ духовенствомъ никогда не принимали уніи и не соглашались на нее.

Они жили своею древнею русскою, православною жизнью. Привилегіи и преимущества, которыя предоставляла католическая вѣра, побудили многихъ знатныхъ людей перейти въ католическій, а въ то же время польскій таборъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что среди русскаго населенія Галичины нѣтъ ни одного графа, ни одного князя: всѣ они перекочевали въ польскій лагерь, напри- мѣръ Чарторійскіе, Шенцицкіе, Сапѣги, и т. д.

Все, что было на верху въ Галицкой Руси, изжилось и кончилось тѣмъ, что оторвалось отъ своего народа, отдалось Польшѣ. Это первые сепаратисты галицко-русскаго народа. Настало время нести всю тяжесть экономическаго и религіознаго гнета одному народу, лишенному своихъ верховъ. Вся исторія теперь должна была принадлежать народу. Въ этотъ критическій моментъ выступаетъ новая живая народная сила казачество, вышедшее изъ Малороссіи и явившееся естественнымъ продуктомъ соціальныхъ и экономическихъ условій тогдашней жизни. Гнетъ русскаго хлѣбороба и его православной церкви и вмѣстѣ съ этимъ національности вызвалъ рядъ бунтовъ и войнъ, руководимыхъ православнымъ казачествомъ. Эти бунты, явившіеся протестомъ противъ экономическаго и религіознаго гнета малороссовъ, распространились на всю нынѣшнюю Малороссію отъ Чернаго, моря до Карпатъ и до рѣки Нѣмана. Казачество вышедшее изъ безправной среды, было чутко ко всему угнетенному и обездоленному

и считало главнымъ своимъ лозунгомъ борьбу со всякимъ насиліемъ.

Результатомъ казацкихъ войнъ, веденныхъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, было освобожденіе восточной половины южной Руси, путемъ соединенія съ остальной Русью. Хотя казацкіе бунты вспыхнули на религіозной и экономической почвѣ, а отнюдь не національной, все таки въ это время въ южномъ казачествѣ было достаточно, національнаго сознанія и поэтому не трудно было гетману Хмѣльницкому въ 1654 г. на Переяславской Радѣ начать воссоединеніе южной Руси, Малороссіи, съ остальной Русью. Естественный приливъ соединительныхъ стремленій сдѣлалъ соединеніе Малороссовъ съ Великороссами такимъ легкимъ. Сами казаки добровольно рѣшили на радѣ: „Пусть Богъ утвердить и благословить единство Руси и русской державы“. Казакамъ и на мысль не приходило основать самостоятельное государство какого-то казачьяго или украинскаго народа. Они считали себя русскими православными людьми. Присяга Хмѣльницкаго была, по словамъ М. Драгоманова, актомъ не только натуральнымъ но и вполне національнымъ. Память объ этомъ актѣ хранится въ памятникѣ Богдану Хмѣльницкому, воздвигнутомъ ему народомъ за это великое дѣло въ Кіевѣ на Софійской площади съ надписью „Единая недѣлимая Русь“. (Странно, что эта площадь охотно выбирается украинцами для митинговъ и чтеній универсаловъ. Вѣдь надпись „Единая недѣлимая Русь“ напоминаетъ украинцамъ „Центральной Рады“, что стремленія Богдана Хмѣльницкаго и всѣхъ Малороссовъ совершенно противоположны стремленіямъ „Центральной Рады“. Меня удивляетъ, что ни храбрые полуботковцы, ни богдановцы не нашли въ себѣ столько храбрости, чтобы уничтожить этотъ памятникъ, который украинцы считаютъ царскимъ.)

Малороссія сама отложила отъ польской короны

и сама пожелала воссоединенія съ остальной Русью. Само собою понятно, что поляки употребляли все усилія для отдѣленія Малороссіи отъ Россіи. Попытки ихъ однако базировались не на массѣ населенія, а только на отдѣльныхъ честолюбцахъ изъ казачьихъ старшинъ, какъ на примѣръ Выговскомъ, Мазепѣ, имя котораго окружается ореоломъ со стороны украинцевъ. Это вторые сепаратисты среди малороссовъ, сепаратисты политико-территориальные, стремившіеся создать для своихъ личныхъ выгодъ княжество. О томъ что народъ отвергнулъ сепаратизмъ, свидѣтельствуется то обстоятельство, что народъ ненавидѣлъ и клялъ Мазепу. Современный австро-славянскій историкъ Кордуба, относящійся въ своей монографіи очень благосклонно къ Мазепѣ, приходитъ къ выводу, что „Мазепа никогда не былъ національнымъ героемъ“. (Korduba, Die Lage der Ukraina u. die Politik Mazepas vor der Schlacht bei Poltawa). Такимъ образомъ не народъ и казачество желали отщепенства, а лишь только безхарактерныя личности, преслѣдовавшія только личныя выгоды, а не національныя, и нельзя въ это время казачества искать начала украинскаго движенія типа „Центральной Рады“, дѣлающагося позже важнымъ факторомъ въ Галицкой Руси. Побѣда казачества не принесла однако освобожденія Галицкой Руси и улучшенія доли русскаго народа въ Галицкой Руси.

Послѣ раздѣла Польши въ 1772 г. Галицкая Русь перешла какъ русское воеводство („russisches Herzogtum“) къ Австріи. Такимъ образомъ завершеніе западно-русскаго вопроса не пошло естественнымъ народнымъ путемъ, а путемъ дипломатическимъ. Дипломатія закрыла совершенно западно-русское дѣло, при чемъ Россія сдѣлала рядъ ошибокъ, которыя впоследствии оказались для нея пагубными. Естественно было включить всѣхъ малороссовъ, находившихся подъ властью Польши, въ составъ земель Россіи. Но Россія пренебрегла своими сы-

новьями и равнодушно отдала ихъ въ кандалы тому нѣмцу, который готовилъ ей ударъ при помощи какъ разъ этихъ неприсоединенныхъ тогда Малороссовъ въ Галичинѣ. Россія дала ему въ руки орудіе. Второй ошибкой было то, что Россія, присоединивъ часть Малороссіи къ своей территоріи, предоставила польской аристократіи, панамъ и вельможамъ права и преимущества, а русскому населенію Малороссіи, къ сожалѣнію, ни малѣйшей части этихъ выгодъ не была удѣлила.

Россія предала простой народъ Малороссіи власти польскихъ помѣщиковъ. Въ малорусскихъ земляхъ польскому панству и шляхетству было дано господство, а русскій народъ былъ заслоненъ. Неудивительно, что эта часть территоріи Россіи могла и послѣ раздѣла Польши считаться польской страной. Россія вмѣсто освобожденія своихъ родныхъ по національности, вѣрѣ и языку отдаетъ ихъ во власть другимъ народамъ. Это же самое явленіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. Политика въ искони русскихъ земляхъ освобожденной Галичины сводится къ тому, что опять предоставляется преимущество и власть надъ русскимъ населеніемъ другимъ національностямъ, а не мѣстному русскому населенію. Больше того, власть надъ русскимъ населеніемъ Галичины, истекавшимъ кровью столько вѣковъ подъ германо-мадьярскимъ гнетомъ, предоставляется русскимъ революціоннымъ, демократическимъ, правительствомъ, которое въ первую голову должно выступать въ защиту самоопредѣленія и самоуправления народовъ, такому ярому противнику всего русскаго, какъ украинецъ Дорошенко, который явно измѣняетъ русскому дѣлу, вступаетъ за нѣмецкихъ шпионовъ, арестованныхъ русскими революціонными военными властями, и подвергаетъ арестамъ русскихъ галицкихъ малороссовъ, преданныхъ Россіи и желающихъ присоединенія къ ней. Ни одинъ культурный народъ не пойметъ того, что творится сей-

часть въ Россіи. Въ русской странѣ превозносятся тѣ и власть предоставляется тѣмъ, которые пропагандируютъ германофильство и кричатъ „да здравствуетъ Германія“, а арестовываются русскіе люди за то, что они хотятъ спасти свою родину, ту же русскую страну, и исполнить свой долгъ. Развѣ это справедливо и демократично назначать на такой отвѣтственный постъ для защиты русскаго населенія Галичины, яраго противника этого населенія, значительная часть котораго уже три года томится въ австрійскихъ тюрьмахъ за свое національное самоопредѣленіе и судьбой котораго до сихъ поръ не заинтересовался ни одинъ изъ русскихъ министровъ?

Въ моментъ перехода къ Австріи Галичина находилась въ печальномъ положеніи. Австрійское правительство старалось привести въ порядокъ страну и улучшить положеніе крестьянъ, чтобы снискать себѣ симпатіи и уваженіе у новыхъ подданныхъ. Оно учредило въ 1783 г. русскую духовную семинарію во Львовѣ, а въ слѣдующемъ году и университетъ, въ которомъ читали на русскомъ „отечественномъ“ языкѣ. Но вскорѣ австрійское правительство измѣнило свое отношеніе къ коренному русскому населенію Галичины и стало на сторону поляковъ. Несмотря на то, что попытки оторвать Малороссію отъ Россіи не удавались, польскіе дѣятели не переставали пропагандировать идею „Вольной Руси“ (Малороссіи). Среди поляковъ существовало убѣжденіе, что Россію легче побѣдить, если отъ нея будетъ отнята Малороссія. Наполеона умоляли польскіе генералы, то Сокольскій, то Понятовскій, завоевать Малороссію. А въ тестаментѣ польскаго повстанца генерала Мѣрославскаго такъ излагается цѣль польскихъ стремленій:

„Rzucemy gorejace pochodnie i bomby za Dniepr i Don w samo serce Rusi; wzniciemy niewzgode i niewawise wsrod ruskiego narodu. Rusini sami swoimi pozurami szarpac sie beda, a my tymczasem wzrosniemy

і wzmosnımu, sie („Бросимъ пожары и бомбы за Дибръ и Донъ въ сердце Россіи. Раздуемъ ненависть и споры въ русскомъ народѣ, русскіе будутъ рвать себя своими собственными когтями, а мы будемъ расти и крѣпнуть“). Эту мысль оторванія Малороссіи отъ Россіи переняло австрійское, а затѣмъ германское правительство, ибо только такимъ путемъ, путемъ внутренняго раздора одного цѣльнаго русскаго организма, рассчитывали они устранить эту восточную опасность, которая мѣшала ихъ захватнымъ стремленіямъ. Они старались уничтожить сознаніе національнаго и культурнаго единства русскаго народа среди русскаго населенія Галичины и устранить его тяготѣніе ко всему русскому народу. Для этой цѣли они задумали внушить галицкимъ русскимъ и вообще малороссамъ идею самостоятельности, чего-то особаго отъ остальнаго русскаго міра, дать ему происхожденіе и создать для него книжный языкъ, который чѣмъ менѣе понятенъ русскимъ, тѣмъ болѣе считается изящнымъ и который достигнетъ своего высшаго развитія тогда, когда станетъ совѣмъ непонятенъ русскимъ и малороссамъ. Такимъ образомъ было брошено яблоко раздора и часть малороссовъ заявила себя украинскимъ, ничего общаго съ русскимъ не имѣющимъ народомъ. Одна часть малороссовъ, оставаясь вѣрной своему прошлому, называла себя русской и признавала національное культурное единство русскаго народа, русскій литературный языкъ считала своимъ литературнымъ языкомъ, при чемъ не пренебрегала своимъ народнымъ малорусскимъ языкомъ. Другая же часть малороссовъ, назвавшая себя украинцами, признавала свое инородчество отъ русскаго народа, самостоятельность украинскаго народа во всѣхъ отношеніяхъ: въ культурѣ (пока что очень бѣдной), національности, языкѣ и политическомъ устройствѣ. Такимъ образомъ произошелъ расколъ въ русскомъ народѣ. Сначала всѣ русскія племена были объединены въ одномъ политическомъ

цѣломъ одной вѣрой, однимъ языкомъ и одной общей исторіей. Политическое единство было уничтожено, когда часть русскихъ земель перешла подъ владѣніе Польши. Второе, соединяющее русскихъ, звено, православная вѣра, было уничтожено Брестскою уніей, когда русскій народъ раздѣлился на два лагеря, православный и уніатскій (католическій): Оставалась еще одна связь—это сознаніе національнаго единства всего русскаго народа, но и эта связь была устранена, когда часть малороссовъ, правда незначительная, измѣнивъ своему историческому прошлому, объявила себя отличной отъ русской, украинскою національностью, съ особой исторіей, особымъ книжнымъ языкомъ и отдѣльной культурой.

Украинское движеніе.

Такимъ образомъ всѣ связи, политическая, религіозная и національная, были уничтожены. Но стремленіе части малороссовъ къ самобытности и самостоятельности, такъ называемое украинское движеніе, движеніе не естественное, не народное, на что особенно въ настоящее время указываютъ результаты выборовъ на Украинѣ. Нужно строго различать народное украинское движеніе и политическое, навѣянное извнѣ, во главѣ котораго находятся, чтобы не сказать больше, не народные избранныки а самозванцы. Народное украинское движеніе заключается въ любви ко всему своему, въ любви ко всему національному, украинскому языку (или нарѣчію), бытовому укладу территоріи Украины, въ любви къ украинскимъ пѣснямъ и ночамъ, которыя великолѣпно воспѣлъ украинецъ Гоголь! Аналогію имѣемъ въ провансальскомъ движеніи. Провансальцы пишутъ на своемъ народномъ провансальскомъ языкѣ, они создали хорошую народную литературу, но все таки при переписи всѣ заявили себя французами, а ихъ поэты любятъ Францію выше всего:

J' aime mon village plus, que ton village,
 J' aime ma Provence plus, que, ta province,
 J' aime la France plus, que tout (F. Gras).

Также дѣятельность берлинскаго „Всеобщаго нижненѣмецкаго Союза“ (Allgemeiner Plattdeutscher Verband) не вытѣснила литературнаго языка среди нижненѣмцевъ, несмотря на то, что на нижненѣмецкомъ языкѣ писали такіе видные беллетристы, какъ Reuter и Groth. Всѣмъ нѣмцамъ присуще глубокое чувство національнаго единства всего германскаго народа, и всѣ они дорожатъ общимъ литературнымъ языкомъ, который гораздо больше отличается отъ нижненѣмецкаго (plattdeutsch), чѣмъ на примѣръ польскій отъ русскаго, не говоря уже объ отличіяхъ малорусскаго отъ литературнаго русскаго языка. Въ Германіи никто сейчасъ не думаетъ создавать новый, другой литературный языкъ, хотя многіе видные писатели пишутъ на діалектахъ, нижненѣмецкомъ, силезскомъ и т. д.

Такъ на примѣръ извѣстный драматургъ Гергардъ Гауптманъ написалъ на силезскомъ нарѣчій нѣсколько первоклассныхъ пьесъ („Weber“ ткачи, Anpele), къ которымъ имѣются переводы на литературный нѣмецкій языкъ. Подобно тому какъ и къ малорусскимъ сочиненіямъ Шевченко имѣются переводы на русскомъ литературномъ языкѣ. Украинское движеніе имѣетъ, какъ провансальское и нижненѣмецкое, народническій характеръ и пустило корни въ то время, когда подъ вліяніемъ идей съ Запада (нѣмецкаго поэта Гердера) во всей Европѣ начали заниматься народной словесностью, народными сказками, пѣснями и подражать имъ. Народное украинское движеніе не относилось и не относится отрицательно къ русской культурѣ, ибо оно часть этой культуры и дало такихъ видныхъ писателей и поэтовъ, какъ Гоголь, Короленко, Шевченко. Необходимо остановиться на послѣднемъ въ виду того большаго значенія, которое онъ сыгралъ и

играетъ въ украинскомъ вопросѣ. Шевченко былъ сыномъ крѣпостного крестьянина, долгое время жилъ въ деревнѣ среди своего народа и воспринялъ всю окружающую его природу своей среды, съ ея тяжелымъ экономическимъ положеніемъ и ея прекрасными пѣснями. Полное отсутствіе образованіе по русскому языку и литературѣ было причиной того, что всѣ его произведенія на русскомъ языкѣ вообще слабы и не проникнуты такимъ чувствомъ, какъ малорусскія пѣсни и думы, въ которыхъ отразилась народная душа. Онъ жилъ во время народничества, когда во всѣхъ странахъ заинтересовались изученіемъ всего народнаго, собирали народныя пѣсни и подражали имъ. Оно имѣло вліяніе и на Шевченка такъ, что онъ писалъ по вкусу и стилемъ народнаго творчества. Въ своихъ произведеніяхъ онъ выступалъ въ защиту угнетеннаго простолюдья, противъ чиновниковъ и солдатъ русскаго, а собственно, московскаго правительства, и его ненависть направлена не противъ русскаго народа, а противъ московскаго режима, царизма и бюрократизма тогдашняго времени. Еще больше выступалъ онъ противъ польскихъ помѣщиковъ. Но выпады противъ пановъ были замѣнены австрійской цензурой выпадами противъ москалей, по словамъ украинскаго ученаго Щурата Шевченко не имѣлъ мысли о политической обособленности Малороссіи и не думалъ создавать отдѣльную отъ русской, украинскую литературу, ибо онъ писалъ свои повѣсти и даже свой дневникъ на русскомъ литературномъ языкѣ. Утвержденіе, что Шевченко писалъ русскія произведенія будто бы въ ссылкѣ, когда писать украинскою мовою ему было запрещено, расходится съ истиной, такъ какъ Шевченко всѣ русскія произведенія, кромѣ дневника, написалъ до ссылки. Такимъ образомъ Шевченко является народнымъ поэтомъ Малороссіи, которому чужды сепаратистическія стремленія, какія ему приписываютъ

украинцы изъ „Центральной Рады“, а вмѣстѣ съ тѣмъ является поэтомъ, заслуживающимъ вниманія всѣхъ русскихъ людей. Поэтому критикъ и публицистъ Скабичевскій справедливо считаетъ Шевченка общимъ достояніемъ всего русскаго народа. Произведенія Шевченка цѣнны для насъ, какъ произведенія народнаго поэта, народнаго поэзіи Малороссіи, которую никто не откажется признать. (Добролюбовъ, Народное чтеніе).

Отъ этого народнаго украинскаго движенія нужно строго отграничить то украинское движеніе, которое пустило широкіе корни среди австрійскихъ малороссовъ, благодаря поддержкѣ нѣмецкаго правительства, и которое, особенно въ настоящее время, насаждается въ Россіи, отчасти сознательно агентами германскаго и австрійскаго правительствъ, отчасти несознательно другими людьми, даже социаль-демократами, которые страннымъ образомъ являются крайними милитаристами и національными шовинистами. Цѣлью состоитъ въ томъ, чтобы въ средѣ одного русскаго народа, раздѣляющагося на три вѣтви мало-великобѣлороссовъ, создать отдѣльную самостоятельную національность, ничего общаго съ русскимъ не имѣющую, чтобы малороссовъ измѣнить изъ россовъ въ украинцевъ, самыхъ ярыхъ враговъ всего русскаго и приверженцевъ Вильгельма, отъ котораго они пользуются поддержкой. Лидеры этого движенія преслѣдуютъ цѣль раздробленія русскаго народа, что выгодно только врагамъ всего русскаго.

Австрійское правительство поддерживало все время украинское движеніе и думало при его помощи создать „гросгерцогтумъ Кіевъ“ подъ скипетромъ Габсбурговъ. Галицкіе украинцы со своей стороны поддерживали австрійское правительство и всегда вотировали военные кредиты на пушки, которыя сейчасъ обращены противъ Россіи, тогда какъ другіе славяне, напр. чешскіе и галицко-русскіе депутаты были въ оппозиціи. Даже тогда, когда депутаты

парламента, чешскіе, галицко-русскіе и другихъ славянъ, выступили противъ отчужденія польскихъ земель германскимъ правительствомъ въ Познани, депутаты украинцы поддерживали нѣмцевъ. Я думаю, что никто не броситъ мнѣ упрека въ клеветѣ, т. к. эти факты общеизвѣстны и даже по признанію самихъ украинцевъ галицкіе украинцы томятся въ Сибири за вѣрность своему (австрійскому) отечеству. И такъ украинцы были и остаются вѣрны австрійскому правительству. Вѣрность русскихъ галичанъ австрійскому правительству была только юридическая. На дѣлѣ не могло быть никакой вѣрности австрійскому правительству. Ибо это противъ законовъ природы соблюдать вѣрность тому и защищать того, который тебя давитъ, пока наконецъ не раздавитъ. У насъ было двѣ вѣрности: вѣрность нѣмецкому правительству и вѣрность своему народу. Вѣрность правительству можно до тѣхъ поръ соблюдать, пока это не препятствуетъ соблюдать вѣрности своему народу. Вѣрность народу гораздо выше вѣрности правительству, вдобавокъ абсолютистическому, попирающему всякіе законы. Но не каждая національность имѣетъ свое государство. Нѣкоторыя національности принадлежатъ къ государству, куда входятъ другія національности, интересы которыхъ нерѣдко расходятся. Если правительство становится одностороннимъ, возникаетъ конфликтъ между вѣрностью правительству и вѣрностью народу. Пока правительство не нарушаетъ правъ отдѣльныхъ своихъ единицъ, до тѣхъ поръ они соблюдаютъ ему вѣрность, но когда правительство нарушитъ права своихъ отдѣльныхъ единицъ, народовъ, въ пользу другихъ, то святой долгъ cadaго изъ народа нарушить вѣрность правительству и соблюдать вѣрность народу. И такъ, напр., русскій народъ не счелъ возможнымъ соблюдать вѣрность своему правительству, а низвергъ его, потому, что оно нару-

шало права народа и защищало интересы не своего народа. Потому русскіе галичане считали своимъ долгомъ соблюдать вѣрность своему русскому народу и выступить въ защиту его, хотя бы это и нарушало ихъ обязанность по отношенію къ чужому, не русскому, а нѣмецкому абсолютическому режиму въ Австріи...

Различіе этихъ видовъ вѣрности мы можемъ наглядно прослѣдить у націи, заслуживающей въ высшей степени нашего сочувствія, у поляковъ,

У нихъ три вѣрности правительству, нѣмецкому кайзеру, австрійскому императору и російскому царю. Но выше всѣхъ это ихъ вѣрность своему народу, которая ихъ всѣхъ соединяетъ и зоветъ не соблюдать вѣрность правительствамъ, угнетающимъ польскій народъ, а сохранять вѣрность соединенной независимой Польшѣ. Это естественная народная вѣрность. Такъ и мы русскіе Галичане остались вѣрными своему русскому народу, своему прошлому, своему имени, считали преступленіемъ сохранять вѣрность австрійскому абсолютическому правительству. Это нашъ долгъ, это естественно и необходимо для нашего существованія и сохраненія нашей національной чести.

Галицкіе малороссы, называющіе себя украинцами, напротивъ поставили выше вѣрность по отношенію къ австрійскому правительству, измѣнивъ интересамъ и прошлому русскаго народа. Поэтому пусть русское общество хорошо подумаетъ, кто ему другъ, а кто недругъ: тѣ-ли малороссы изъ Галичины, которые, оставаясь вѣрными своему русскому народу, и одновременно человѣчеству, „измѣнили“ австрійскому имперіалистическому режиму и добровольно переходили къ своимъ братьямъ русской арміи, тѣмъ же малороссамъ и великороссамъ, считая это своимъ священнымъ долгомъ по отношенію къ своему народу, а затѣмъ добровольно поступали въ ряды русской арміи, чтобы рука объ руку вы-

ступить въ защиту общаго народнаго дѣла, или тѣ малоросы, называющіе себя украинцами, которые добровольно (не говорю объ тѣхъ, которые были принуждены) взяли за оружіе, чтобы проливать кровь своихъ братьевъ малороссовъ и великороссовъ въ защиту австро-германо-турецкаго имперіализма, подъ гнетомъ котораго стонуть и задыхаются не только отдѣльныя личности, защитники свободы Адлеры и Либкнехты и массы узниковъ галицко-русскихъ, чешскихъ сербскихъ и др., но и цѣлыя народы, какъ чехи, поляки, русскіе, сербы, бельгійцы, евреи, хорваты, итальянцы, армяне, словенцы, французы, въ защиту которыхъ выступилъ весь культурный міръ. Поэтому русское здоровое общество должно призидуматься надъ тѣмъ, кто является „измѣнникомъ“ и „ренегатомъ“ и считать ли ему „гнилью“, какъ выразился одинъ изъ нашихъ политическихъ противниковъ, любовь и преданность русскихъ галичанъ къ своему русскому народу и самопожертвованіе ихъ для него, и взвѣситъ, у кого больше стойкости, у русскихъ ли Галичанъ, томящихся въ австрійскихъ тюрьмахъ уже три года и мужественно переносящихъ произволь за свою идею національнаго и культурнаго единства русскаго народа, или у галицкихъ украинцевъ, которые сегодня вѣрны Австріи, завтра Россіи, а послѣзавтра кому нибудь третьему. Мнѣ кажется, что въ большей степени, по мысли самихъ украинцевъ являются, измѣнниками австрійскаго правительства галицкіе украинцы, пріѣхавшіе сюда подъ именемъ русскихъ, въ качествѣ бѣженцевъ и только послѣ революціи заявившіе себя украинцами, ибо теперь они заявляютъ о своей вѣрности русскому правительству, тогда какъ въ Австріи они заявляли о вѣрности австрійскому правительству и даже составляли полки добровольцевъ „січовиків“, сражающихся противъ русскихъ войскъ. Зачѣмъ такъ колебаться? Надо уже разъ опредѣленно высказаться, галицкіе украинцы, или за нѣмецкаго

кайзера вѣдь галицкіе украинцы намѣчаютъ въ королѣ „Самостійной Украины“ сына австрійск. эрцгерцога Карла Степана, Вильгельма, какъ это сообщаетъ газ. „Polonia“ Revue hebdomadaire polonaise, Paris, 1917, № 11) или за русскую демократію Въ истинѣ словъ украинцевъ изъ „Рады,“ въ которыхъ они утверждаютъ, что украинцы несомнѣнно сторонники русской культуры, позволю себѣ усомниться. На столбцахъ украинскаго органа „Укр. Жизнь“ г. Винниченко, лидеръ украинскихъ социаль-революціонеровъ (не говоря уже о томъ, какъ думаютъ украинскіе шовинисты націоналисты) такъ выражается о русской культурѣ: „Все въ Россію, начиная съ идей и кончая пуговицами шло изъ Европы и ничего русскаго нѣтъ и не можетъ быть произведено потому, *что русской культуры нѣтъ* (точно то же утверждаетъ рецензентъ труда проф. Грушевскаго „Исторія Украины“ проф. берлинскаго университета Брюкнеръ). Знанія у русскихъ нѣтъ, культурной инициативной творческой жизни у русскихъ нѣтъ“ (Укр: Жив. № 4-5 1916 г.).

Что касается обвиненія русскихъ галичанъ въ имперіалистическихъ стремленіяхъ, такъ прямо смѣшно утверждать что нибудь подобнаго по адресу тѣхъ, которые всѣми были угнетаемы и которые не имѣли ни малѣйшей власти. Русскіе галичане всегда защищались противъ нападковъ и притязаній своихъ многочисленныхъ враговъ и съ трудомъ удерживали свои позиціи. Они никогда не оказывали услугъ имперіалистамъ, ибо они какъ разъ „измѣнили“ австро-германскому имперіализму, стремящемуся къ захватамъ, въ чемъ ему такъ сердечно помогаютъ полки добровольцевъ галицкихъ украинцевъ. Русскіе галичане отнюдь не желаютъ, чтобы Россія оставалась недѣлимой, если этого не желаютъ другіе народы. Мы не противники ни автономій, ни федерацій народовъ, входящихъ въ составъ російскаго государства но мы противники раздѣленія Руси, раздѣленія

русскаго народа, и какъ русскіе, мы видимъ спасеніе русскаго народа только въ его единеніи. Богданъ Хмѣльницкій соединилъ малороссовъ и великороссовъ очень легко, потому что это было вполне естественно и было завершеіемъ эволюціи долгихъ вѣковъ. Поэтому не надо эту связь, и это единеніе уничтожать и раздувать антагонизмъ, который, если окрѣпнетъ, въ непродолжительномъ времени вызоветъ бой не на жизнь, а на смерть. Украинцы должны, называя свои украинскіе полки именемъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, стремиться къ его идеалу, т. е. къ единенію малороссовъ съ великороссами. На дѣлѣ же украинцы стремятся къ разьединенію, почему и неумѣстно, чтобы они называли свои полки именемъ славнаго Богдана. Будучи послѣдовательны они должны называть свои полки именемъ другого гетмана, стремившагося какъ и они, къ отдѣленію Украины отъ Россіи, и пользующагося тоже славой, хотя, правда, немного другого рода.

Не надо создавать отдѣльной и самостоятельной особи среди русскаго народа, какъ никто не создаетъ такой среди нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, польскаго и т. д. Провансальцы любятъ все свое національное, свой языкъ, литературу, но все же ихъ поэты поютъ только во имя величія Франціи, всѣ провансальцы сознаютъ, какъ говорить профессоръ Сорбонны и знатокъ Россіи историкъ Рамбо, что возсозданіе Прованса, какъ независимаго государства, возможно только на развалинахъ Франціи. Я говорю, что возсозданіе независимаго государства „Самостійной Украины“ возможно только на развалинахъ Россіи и Руси.

Относительно черносотенства русскихъ галичанъ, о которомъ отчасти сознательно, отчасти несознательно писала пресса, не нужно много говорить, ибо событія настоящаго момента ясно указываютъ, гдѣ черносотенство. Даже „Кіевская Мысль“, больше

всѣхъ поддерживавшая украинское движеніе, перестала наконецъ писать о черносотенствѣ русскихъ галичанъ, а начала писать о „черносотенцахъ и погромщикахъ, которые говорятъ по украински“. (Кіевская Мысль № 139). Русскіе галичане, угнетаемые и искорбляемые въ продолженіе столькихъ вѣковъ, лишенные свободы, знаютъ ея цѣну и не посягаютъ ни на чью свободу и потому ихъ идеологія отнюдь не аналогична идеологіи „россійскаго союза русскаго народа“. Напротивъ, она ей прямо противоположна. А что украинская идеологія близка къ идеологіи „россійскаго союза русскаго народа“, такъ это видно изъ шовинистической и демагогической дѣятельности не только украинской кіевской „Рады“, но и выступлений группы ростовскихъ украинцевъ, возглавляемой прив. доц. Варшавскаго университета Данилевичемъ. поступки котораго осудилъ мѣстный Совѣтъ раб. и солдат. депутатовъ, а равно изъ лозунга, который часто принимается собраніями украинцевъ: „земля Украины только для украинцевъ“ (Нова Рада № 46.), и изъ призывовъ нѣкоторыхъ украинцевъ къ насиліямъ и погромамъ.

Русскіе галичане никогда не были сторонниками ни стараго россійскаго правительства, ни б. царя Николая II, и никакого отношенія къ нимъ не имѣли. Русскіе галичане стремились не къ правительству, а къ единенію съ русскимъ народомъ; они стремились, какъ часть цѣлаго, къ этому цѣлому, не къ прошлому, не къ настоящему и не къ будущему правительству, а только ко всему вѣчно-русскому. Если бы и получали русскіе галичане субсидіи со стороны русскаго правительства, то они получали ихъ въ сознаніи, что это деньги не русскаго правительства, а русскаго народа, который долженъ помочь своему угнетенному младшему галицкому брату. А если русскіе галичане получали пайки, то они получали ихъ

какъ бѣженцы, подобно тому, какъ и получаютъ эти пайки бѣженцы всѣхъ другихъ національностей, поляки, латыши, литовцы, армяне и т. д., и не пользовались при этомъ никакими привилегіями. Это была ничтожная помощь голодному и холодному бѣженцу, продиктованная человѣческимъ чувствомъ каждаго человѣка, чтобы не дать погибнуть жизни многихъ несчастныхъ людей, принесшихъ все свое на алтарь своей родины и своего народа. Армяне, изнемогающіе подъ турецкимъ имперіалистическимъ режимомъ, пользовались поддержкой русскаго правительства, но они считали эту поддержку поддержкой русскаго народа, а не правительства, и никто не упрекаетъ ихъ въ приверженности къ старому правительству, хотя они и продолжаютъ быть приверженцами русскаго народа и искать у него помощи. Никто не станетъ упрекать бѣженцевъ армянъ за то, что они пользуются поддержкой русскаго народа, и было бы очень несправедливо и не по человѣчески, если бы русскій народъ отказалъ въ помощи этимъ несчастнымъ бѣженцамъ, лишеннымъ всего благосостоянія, принесшимъ и многія жертвы въ интересахъ русскаго народа, за что, думаю, никто, не назоветъ ихъ измѣнниками своего отечества (турецкаго правительства), измѣнниками за то, что, „измѣнивъ“ турецкому абсолютистическому, такъ долго угнетавшему армянскій народъ режиму, сочли своимъ долгомъ соблюдать вѣрность своему народу и выступить въ его защиту. Поэтому, что несправедливаго и обиднаго въ томъ, что бѣженцы русскіе галичане получаютъ наравнѣ съ бѣженцами другихъ національностей пайки отъ своихъ русскихъ братьевъ, что обиднаго въ томъ, что люди получаютъ для своего незавиднаго существованія, пайки безъ которыхъ имъ пришлось бы погибать. Надо быть не человѣкомъ, чтобы другихъ обречь на смерть. Впрочемъ, эта помощь, оказываемая бѣженцамъ русскимъ галичанамъ, за все

время войны можетъ быть не составить и сотой доли того, что они потеряли, лишившись своего крова, своей нивы, своего накопленнаго долгимъ и тяжелымъ трудомъ благосостоянія вследствие военныхъ реквизицій, жертвуя всѣмъ своимъ имуществомъ и даже своей жизнью изъ любви къ русскому народу. Французы, англичане, итальянцы оказываютъ щедрую помощь бельгійскимъ и сербскимъ бѣженцамъ. Американцы шлютъ помощь разоренной и истекающей кровью Польшѣ. Итальянцы приняли съ восторгомъ и съ открытыми объятіями бѣженцевъ итальянцевъ изъ австрійскихъ поселеній Горицы, Кормонса и др.,—французы—французовъ Эльзасъ-Лотарингіи. Долгъ прежде всего русскихъ помочь (главнымъ образомъ предоставленіемъ возможности заработка) русскимъ галичанамъ, о положеніи которыхъ, пользуясь словами поэта, можно сказать: „Есть у змѣи нора; у птицы есть гнѣздо, и есть берлога у звѣря каждаго. Но тотъ, кто тебѣ братомъ, убѣжища онъ не имѣетъ“.

Общеизвѣстно, что и французы Эльзасъ-Лотарингіи пользуются субсидіями французскаго правительства, а итальянская газета въ Триестѣ издавалась на счетъ итальянскаго правительства. Я скажу больше. Общеизвѣстно, что всѣ украинскія учрежденія въ Галиціи, а равно и ихъ ячейки въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, получали субсидіи отъ имперіалистическаго германскаго правительства. Общеизвѣстны разоблаченія польскаго публициста Раковскаго въ Словѣ Польскомъ „*Slowo Polskie*“ и въ „*Kurier Warszawski*“, и начатый изъ-за этого украинскими дѣятелями, но векорѣ по легкопонятымъ причинамъ приостановленный процессъ во Львовѣ. Мнѣ кажется, что огромная разница, между полученіемъ пособія частью русскаго народа отъ русскаго народа, и полученіемъ галицкими украинцами субсидіи отъ германскаго правительства. Я, конечно, не пользуюсь приѣмомъ

украинцевъ въ родѣ приват.-доц. Варш. Универ. г. Тимченка и не заключаю, что всё молъ украинцы получаютъ субсидіи отъ германскаго правительства, какъ равно и не утверждаю, что всё молъ украинцы изъ Галиціи--охранники, хотябы изъ-за того факта, что уже до сихъ поръ въ спискахъ охранниковъ нашлись галицкіе украинцы Плавюкъ, дѣйствовавшій по порученію, какъ это сообщаетъ Кіевская Мысль № 106, 1917 г., виднаго украинскаго дѣятеля въ Кіевѣ Степаненка, бывшій помощникъ завѣдывающаго книжнымъ магазиномъ им. Шевченка во Львовѣ Сырофдъ и нѣкій Веретельникъ, о которомъ по ошибкѣ или умышленно писали, что онъ состоялъ сотрудиномъ газ. „Прик. Руси“. Я испытываю до нѣкоторой степени удовольствіе, что до сихъ поръ изъ большого числа бѣженцевъ русскихъ галичанъ ни одинъ не оказался въ спискахъ охранниковъ. А такъ голословно называть всёхъ русскихъ галичанъ охранниками, какъ это дѣлаютъ наши политическіе противники, это въ высшей степени не культурно. Невѣрно также утвержденіе украинцевъ, будто бы галицкіе украинцы подвергались массовымъ арестамъ и ссылкѣ въ Сибирь благодаря доносамъ русскихъ галичанъ. Напротивъ есть документы и свидѣтели, что галицко-русская интеллигенція и крестьянство подвергались арестамъ благодаря доносамъ украинскихъ дѣятелей, да подвергались избіенію и оплевыванію со стороны галицкихъ украинцевъ даже увіатскіе священники русской національности. Украинцы изъ Галичины иногда арестовывались только потому, что враждебно относились къ русскимъ войскамъ и къ русскимъ властямъ (я далекъ отъ того, чтобы защищать русскія власти). Я далекъ отъ упрековъ и возведенія какихъ либо обвиненій на галицкихъ украинцевъ и не сталъ бы объ этомъ писать, если бъ не былъ вынужденъ защищать русскихъ галичанъ и себя отъ неосновательныхъ нападковъ со стороны украинцевъ.

Относительно политическихъ воззрѣній рус-

скихъ галичанъ скажу не много. Находясь постоянно подъ гнетомъ, мы были поборниками свободы и многіе изъ насъ положили свою жизнь за нее. Мы знаемъ горечь иноземнаго гнета и потому высоко цѣнимъ свободу, и привѣтствуемъ русскую революцію, даровавшую всѣмъ народамъ свободу, полнѣйшую свободу самоопредѣленія и національнаго и культурнаго развитія. Мы всѣ вышли изъ народа, всѣ мы сыновья угнетеннаго крестьянскаго люда, боролись за равенство и достоинство крестьянскаго и рабочаго люда и съ чувствомъ гордости привѣтствуемъ тотъ часъ, когда наконецъ народъ, такъ долго угнетаемый рабочій и крестьянскій людъ, получилъ справедливую, ему давно принадлежащую власть. Мы естественные и давные демократы, а не мартовскіе, которые только недавно начали мѣтить въ демократы и въ сословіе рабочихъ и крестьянъ. Съ политическими воззрѣніями галицко-русскаго студенчества можно познакомиться по ихъ журналѣ издававшемся во Львовѣ „Новая Жизнь“. Я укажу только на одинъ фактъ изъ жизни галицко-русскихъ студентовъ. Студенчество, устроивъ демонстрацію по поводу казни испанскаго революціонера Феррара, подверглось аресту со стороны австрійскихъ властей, и вообще часто подвергалось арестамъ за пѣсни „Вы жертвою пали“, „Смѣло, товарищи, въ ногу“, „Смѣло, друзья, не теряйте“, каковыя пѣсни были извѣстны и среди крестьянскаго народа, тогда какъ украинцы изъ Галиціи пѣли „Не пора, не пора Москалевы, Ляховы служить“ и „о честь вамъ кацапски лайдаки“ (негодяи). Я укажу на то, что и не только официальная Россія интересовалась русской Галиціей, но также и общественная. Гостили въ Галиціи проф. Погодинъ, общественные дѣятели Лашкевичъ, Стаховичъ, крестьянскій депутатъ Государст. Думы Макогонъ и др. Украинскіе общественные дѣятели изъ Галиціи всѣми силами старались, не допустить сближенія прогрессивнаго русскаго общества съ

галичанами и не пренебрегали даже такими приемами, какъ напр. наладеніе украинской „Січы“ на Стаховича, нынѣшняго финляндскаго комиссара, въ галицкой деревнѣ, бросаніе камней украинскими гимназистами на члена Гос. Думы Лашкевича. Галицко-русскіе студенты завязывали также сношенія съ русскимъ студенчествомъ, хотя и неудачно; такъ наприм. студ. Вальницкій, организовавшій объединенный социалистическій органъ студенчества съ центрами Петрограда Москвы, Львова, очутился въ російской тюрьмѣ. Среди галичанъ и среди галицко-русскаго студенчества нашли пріютъ социаль-демократъ Александровъ-Лебедевъ и даже анархистъ Рогдаевъ, которые работали среди русскихъ галичанъ.

И такъ я обращаюсь еще разъ къ русскому обществу съ просьбой не вѣрять злонамѣреннымъ и недобросовѣстнымъ людямъ и ближе познакомиться самимъ со своимъ братомъ. Считайте его своимъ и предоставьте ему возможность принять участіе въ общей работѣ для родины, въ общей созидательной работѣ русской революціи, и рука объ руку защищать общую родину.

Мы не виноваты, что мы австрійскіе подданные. Жестокая судьба и ошибочная внѣшняя политика старой Россіи заставили насъ страдать подъ чужимъ гнетомъ. Лозунгомъ старой Россіи было поработать народы, а не освобождать ихъ но я увѣренъ, что обновленная Россія станетъ въ защиту угнетенныхъ и оскорбляемыхъ и принесетъ имъ солнце свободы.

Объемъ терминовъ „государство“ и „національность“ не всегда совпадаетъ. Можно быть австрійскимъ подданнымъ, а въ то же время хорошимъ итальянцемъ, полякомъ, сербомъ и русскимъ.

Австрійскіе итальянцы солдаты считаютъ своимъ долгомъ перебѣжать къ итальянцамъ, а государственные итальянцы принимаютъ ихъ съ распростертыми

объятіями и награждаютъ ихъ за этотъ подвигъ, а отнюдь не называютъ измѣнниками Францъ Иосифа, какъ русскихъ галичанъ въ Россіи. Какъ можетъ быть итальянецъ недругомъ итальянскаго народа или французъ французскаго? И аналогично какъ можетъ быть русскій недругомъ русскаго народа и своей родины? Это не вполнѣ сознается въ Россіи можетъ быть оттого, что въ Россіи національное сознание русскихъ не достигло такой высоты, какъ въ другихъ передовыхъ странахъ. Часто приходится слышать, что націонализмъ—это реакція. Нѣтъ, это ошибочное мнѣніе. Национальное чувство—это естественное, природное чувство каждаго человѣка и каждаго народа; это переходная степенъ къ высшей степеніи человѣческаго развитія, интернаціоналу. Национализмъ—это и есть признаніе за каждыиъ человекомъ и каждыиъ народомъ права самоопредѣленія и культурнаго развитія, на основаніи котораго долженъ быть заключенъ будущій прочный миръ. Основная черта теоріи О. Бауэра, автора знаменитаго труда „Национальный вопросъ и социаль-демократія“ заключается въ доказательствѣ той основной мысли, что вѣрно понятый национальный принципъ не только не идетъ въ разрѣзъ съ прогрессомъ человечества и его стремленіемъ къ социализму, но наоборотъ: социализмъ, прогрессъ и национализмъ взаимно обусловливаютъ другъ друга,—что интернационализмъ глубоко враждебенъ не только национальному шовинизму, но и тому поверхностному „наивному“ космополитизму, который считалъ исчезновеніе национальностей и ихъ сліяніе въ одномъ конгломератѣ человечества необходимымъ составнымъ элементомъ социалистическаго идеала. О. Бауэръ доказываетъ невозможность исчезновенія национальныхъ различій не только для настоящаго времени и для ближайшаго будущаго, но и для социалистической эпохи. Конечно, национальный шовинизмъ „гипертрофія“ националь-

наго чувства—это реакція и болѣзнь, которой надо беречься. Но и „атрофія“ національнаго чувства, недостатокъ національнаго сознанія, чѣмъ въ особенности страдаетъ русское общество, есть болѣзнь опасная, ибо она не освобождаетъ народъ отъ вліянія и гнета со стороны другой національности, а побуждаетъ рабски переносить этотъ гнетъ и тѣмъ самымъ народъ страдать. Совершенно правильно заставляетъ замѣчать проф. Гредескулъ („Голосъ Юга“ 106), что широкое русское общество до самаго послѣдняго времени, если такъ можно выразится „не подозрѣвало“ національнаго вопроса, не сознавало всей его огромной важности, не думало объ его огромномъ значеніи въ современной государственной жизни. Равнодушіе русское безгранично. „Къ добру и и злу постыдно равнодушны“ говорить великій поэтъ. Иностранцы и инородцы удивляются нашей русской индифферентности и непатріотичности. И на благоденствія и на бѣдствія своего отечества мы реагируемъ крайне вяло. Полное безучастіе къ государству, обществу и своему народу (грубый эгоизмъ) встрѣчается довольно часто. Особенно въ настоящее время это равнодушіе достигло высшаго предѣла, когда въ Россіи нашлись довольно многіе безумцы, дня которыхъ безразлично, будетъ ли ими управлять президентъ русской республики или Вильгельмъ. Пора перестать такъ безразлично равнодушно ко всему относиться, какъ кухарка въ пьесѣ Андреева, которой „все равно“, что бы ни случилось на свѣтѣ: „Гдѣ бы ни жить, кому бы ни служить“ ей все равно. Конечно, блаженство были бы и рай на землѣ, если бы всѣ національности жили въ мирномъ сожителствѣ а самое лучшее было бы, если бы была только одна національность,—„человѣческая“,—безъ различій національныхъ, религіозныхъ, классовыхъ, сословныхъ. Но это только идея будущаго, къ которой мы стремимся; идея—жить—это любить, какъ выражается Достоевскій — пока

что не осуществима. Она можетъ быть достигнута только путемъ признанія равноправія всѣхъ національностей, къ чему стремится націонализмъ, а не превосходствомъ одной національности надъ другой.

Ни одинъ народъ не притѣснитель по своей природѣ. Национализмъ—это стихія, какъ говорить П. Струве, это любовь къ своему народу, а я добавлю и къ человѣчеству.

Однако, идея человѣческой національности, идея гражданина человѣка, гражданина одного всемірнаго государства,—мечта; дѣйствительность же указываетъ, что властвуетъ сила и что пока что торжествуетъ Нитше со своимъ лозунгомъ: только сильный имѣетъ право на существованіе. Чтобы восторжествовала идея человѣчества общей любви, надо сокрушить австро-германскій милитаризмъ, который согласно своему пророку Нитше угнетаетъ десятки народовъ (поляковъ, сербовъ, бельгійцевъ, французовъ, русскихъ, итальянцевъ, чеховъ, хорватовъ, словенцевъ). Освобожденіе этихъ народовъ, изнемогающихъ и хриплымъ, истощеннымъ голосомъ съ протянутыми, исхудалыми руками ко всему человѣчеству о помощи задыхающихся—это залогъ побѣды человѣчества надъ варварствомъ. При этомъ освобожденіе Галицкой Руси не является аннексіей, ибо это исконная русская земля и жители этой земли добровольно желаютъ присоединиться къ русской демократической республикѣ.

Я удивляюсь тому, что въ Россіи не только школьники, но даже профессора университета, на прим. г. Тимченко, считающій себя знаткомъ языковѣднія, не знаютъ того, что у насъ очень хорошо знаютъ „темные крестьяне“, а именно, что Галицкая или Червонная Русь—это исконная русская земля, хотя она Россіи не принадлежала, что между Польшей и Русью происходили войны изъ-за Червонной Руси, что въ городахъ Перемышль, Галичь, Теробовль, Белзь княжили русскіе князья, что Львовъ, который

еще до сихъ поръ называется въ русскихъ изданіяхъ Лембергъ, основанъ русскимъ княземъ Даниломъ и названъ Львовомъ въ честь его сына Льва, что возникновеніе русскаго эпоса „Слово о полку Игоревѣ“ предполагается нѣкоторыми учеными въ Галицкой Руси (Щурать), что Прикарпатская Русь является колыбелью, откуда вышелъ русскій народъ и русская культура. Поэтому естественно, что эта часть русской земли стремится къ своему цѣлому организму—къ Руси. Идея единства русскаго народа не искусственна, не вызвана политическими соображеніями и отсюда не создавалась въ эту войну, какъ это утверждаютъ украинцы, пренебрегая истиною. Я укажу только на три процесса о государственной измѣнѣ за эту идею, Ольги Грабаръ въ 1882., Мармарошъ Сигетскій противъ крестьянъ и процессъ Бендасюка и товарищей, что уже доказываетъ невѣрность словъ утвержденныхъ украинцевъ. Но что идея украинскаго сепаратизма создавалась въ Галичинѣ наканунѣ войны и что сейчасъ все-еще создается,—это общеизвѣстно, ибо въ австрійскомъ парламентѣ только въ 1890 г. появились представители отъ рутеновъ „Ruthenen“, которые, опредѣляя себя то русскими, то рускими черезъ одно „с“, то русинами, то украинно-руськими, то русько-украинскими, въ концѣ-концовъ, послѣ всѣхъ лягушечихъ превращеній, назвали себя наканунѣ настоящей войны украинцами. Также свидѣльствуетъ объ этомъ перепись 1910 г., во время которой даже считающіе себя украинцами депутаты парламента и сейма не требовали официальнаго присвоенія себѣ и своимъ избирателямъ названія „украинецъ“, боясь протеста со стороны народныхъ массъ, которыя отнюдь не желаютъ называть себя украинцами.

Культурное и національное единство русскаго народа старое и существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ существовать русскій народъ. Эта идея вызвана природными причинами, она является

еще до сихъ поръ называется въ русскихъ изданіяхъ Лембергомъ, основанъ русскимъ княземъ Даниломъ и названъ Львовомъ въ честь его сына Льва, что возникновеніе русскаго эпоса „Слово о полку Игоревѣ“ предполагается нѣкоторыми учеными въ Галицкой Руси (Щурать), что Прикарпатская Русь является колыбелью, откуда вышелъ русскій народъ и русская культура. Поэтому естественно, что эта часть русской земли стремится къ своему цѣлому организму—къ Руси. Идея единства русскаго народа не искусственна, не вызвана политическими ображеніями и отнюдь не создавалась въ эту войну, какъ это утверждаютъ украинцы, пренебрегая истиною. Я укажу только на три процесса о государственной измѣнѣ за эту идею, Ольги Грабаръ въ 1882., Мармарошъ Сигетскій противъ крестьянъ и процессъ Бендасюка и товарищей, что уже доказываетъ невѣрность словъ утверждений украинцевъ. Но что идея украинскаго сепаратизма создавалась въ Галичинѣ наканунѣ войны и что сейчасъ все-еще создается,—это общеизвестно, ибо въ австрійскомъ парламентѣ только въ 1890 г. появились представители отъ рутеновъ „Ruthenen“, которые, опредѣляя себя то русскими, то рускими черезъ одно „с“, то русинами, то украинно-руськими, то русько-украинскими, въ концѣ-концовъ, послѣ всѣхъ лягушечихъ превращеній, назвали себя наканунѣ настоящей войны украинцами. Также свидѣлствуетъ объ этомъ перепись 1910 г., во время которой даже считающіе себя украинцами депутаты парламента и сейма не требовали официальнаго присвоенія себѣ и своимъ избирателямъ названія „украинецъ“, боясь протеста со стороны народныхъ массъ, которыя отнюдь не желаютъ называть себя украинцами.

Культурное и національное единство русскаго народа старое и существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ существовать русскій народъ. Эта идея вызвана природными причинами, она является

продуктомъ—эволюціи и никто искусственно не создавалъ ее. Всякое искусственное созданіе теряетъ вскорѣ жизнь, все природное продолжаетъ жить и доказательствомъ чего служить и идея національнаго и культурнаго единства русскаго народа, которая живетъ уже 9 столѣтій, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ явилась идея собиранія русскихъ земель. И присоединеніе галицкой, угрорусской и буковинской Руси къ остальной Руси—это не созданіе новой идеи, а уже завершеніе старой идеи, идеи собиранія земель русскихъ, это завершеніе судебъ всѣхъ русскихъ земель, завершеніе труда, который начали наши предки, а именно собиранія и соединенія разбросанныхъ политическими условіями русскихъ земель, которыя они собирали, какъ говоритъ поэтъ, „своимъ горбомъ“.

Къ этому то труду, къ этой то созидательной работѣ долженъ обратиться весь русскій народъ, особенно въ настоящій моментъ, когда даже уже собраннымъ землямъ угрожаетъ расколъ.

Мы русскіе галичане готовы принять участіе въ этомъ общемъ строительствѣ обновленной, свободной Руси и готовы для нея жертвовать собой. Вы, русскіе братья, не отказывайте въ этомъ вашимъ братьямъ, ибо имъ также дорога Русь, какъ и Вамъ. Вы знайте, что хотя мы и австрійскіе подданные, но мы русскіе и нашъ идеалъ—свободный русскій народъ.

Когда я неразъ слышу объ отказѣ русскимъ галичанамъ въ участіи въ работѣ на оборону, или въ поступленіи въ русскую армію, или вообще въ правѣ говорить о русскомъ народѣ, изъ-за того, что они австрійскіе подданные, то мнѣ вспоминаются слова поэта:

Когда томимый жаждой человѣкъ,
Къ которому я приближаюсь съ кубкомъ
Прохладнаго напитка, вырветъ вдругъ
Тотъ кубокъ, разольетъ его и послѣ
Умретъ отъ жажды—Я-ль виновенъ буду
Въ его безумной смерти?

Но въ этомъ случаѣ, я опасаясь не только за томимаго жаждой, но и за подающаго ему напитокъ. Ибо ихъ смерть и гибель общая, какъ и жизнь ихъ общая. Но, все таки, я глубоко увѣренъ, что русскій народъ и здоровое русское общество пойметъ серьезное положеніе настоящаго момента и сплотится для общей строительной работы надъ созданіемъ обновленной свободной Россіи и не допуститъ гибели ея.

Въ заключеніе не могу не обратить вниманія тѣхъ изъ русскаго общества, кто съ недовѣріемъ и „брезгливостью“ относится къ русскимъ галичанамъ на то, что вездѣ, гдѣ организмъ народа разбитъ на части, и гдѣ часть его находится подъ чужимъ гнетомъ, существуетъ такъ называемая ирредента. Это не синонимъ измѣны, это естественное тяготѣніе части организма къ культурѣ и цѣностямъ центра организма. Такая ирредента у всѣхъ свободомыслящихъ людей встрѣчаетъ сочувствіе и всѣ ее понимаютъ.

Свое обращеніе позволю себѣ закончить словами проф. Погодина, сказанными по адресу украинскихъ дѣятелей: „Тѣмъ убѣдительнѣе будутъ доводы жизни, а они будутъ гласить слѣдующее. Не надо быть пророкомъ, достаточно быть историкомъ, чтобы предсказать черезъ нѣкоторое время отливъ разъединительныхъ стремленій и быстрое нарастаніе объединительныхъ. Всѣ малокультурные народы прошли черезъ этотъ этапъ разъединенія, но оно смѣнилось пробужденіемъ сознанія, что „свой къ своему“ долженъ идти, что въ единеніи народовъ ихъ сила и будущее, что для такого единенія необходимо признаніе извѣстныхъ общихъ элементовъ. Въ данномъ случаѣ (у русскихъ племенъ) такіе общіе элементы уже есть, они уже давно созданы исторіей и обнаружили свою жизнеспособность. Заключаются они въ единствѣ литературнаго языка, въ единствѣ церкви, въ многовѣковой общности исторіи. Всего этого не

разрушать, какъ бы ни старались, Винниченко, Кстати и самъ пишущій по русски, Грушевскій, докторъ русской исторіи, и др. Это украинское движеніе не есть демократическое, т. е. здоровое, направленное на удовлетвореніе истинныхъ народныхъ нуждъ, стремленіе, но демагогическое, будоражащее народную массу обманчивыми призрачными благами.

Теперь, вообще, время демагоговъ. Естественно, что и украинскіе демагоги подняли голову, объединились и прикрылись знаменемъ культуры и свободы. Но уже близко время, когда самъ народъ откажется отъ демагоговъ и демагогическихъ приемовъ политики, и тогда—когда разсѣется туманъ,— „всѣмъ станетъ ясно, что все будущее культурнаго и политическаго развитія Россіи зависитъ отъ тѣснаго сотрудничества и единства всего русскаго народа. И тогда добровольно всѣ части его, великороссы, белоруссы и малороссы, возложатъ на свои плечи общую дорогую ношу русской государственности и народности. Будемъ вѣрить въ здоровый государственный умъ великаго русскаго народа.“ (Русская Жизнь № 197).

И. Панасъ.

г. Ростовъ н-Д. 6 Іюня 1917 г.

ХЪ

МВ